

Люди и нравы за полвѣка ¹⁾.

XXXIII.

Отъ номеровъ Молодякова до прогимназіи было ходу всего минутъ 5—7. Поэтому выйдя за четверть часа до девяти, я имѣлъ достаточно времени добраться до цѣли, съ любопытствомъ разглядывая встрѣчавшіеся по дорогѣ магазины, лавки и другія торговыя заведенія.

Въ большой передней, съ поломъ изъ крупнаго бѣлаго камня, встрѣтилъ меня швейцаръ Яковъ, мужчина лѣтъ сорока пяти, небольшого роста, плѣшивый, въ форменномъ мундирѣ, который шелъ къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло. Яковъ мѣстный уроженецъ, крестьянинъ, отъ роду и до сей поры никуда не выѣзжавшій изъ родного села и единственный знакомый ему городъ былъ В. Понятно, что особой ловкостью онъ не отличался, столичной полировки не имѣлъ, но за то барскихъ кармановъ не касался; честность его, работоспособность и преданность были такія, какія, увы! въ наше время приходится разыскивать днемъ съ огнемъ. Онъ встрѣтилъ меня съ радушнѣйшей улыбкой на лицѣ, какъ будто стараго близкаго знакомаго, или родного человѣка.

— Миѣ бы надо видѣть г. инспектора?

— Какъ прикажете о васъ доложить?

Я назвалъ свою фамилію и сталъ снимать пальто.

Яковъ принялъ мое платье, аккуратненько встряхнулъ его, повѣсилъ на вѣшалку и веселыми ногами направился въ квартиру инспектора, находившуюся тутъ же, въ нижнемъ этажѣ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюль 1913 г.

Направо лѣстница вела въ верхній этажъ, весь занятый классами, канцеляріей, совѣтской комнатою, бібліотекою, актовымъ заломъ и другими служебными комнатами. Этотъ большой домъ одного очень богатаго купца былъ купленъ городомъ для прогимназіи, и кромѣ того была большая двухъ-этажная пристройка, въ которой помѣщалась часть классовъ, шинельная и гимнастическій залъ.

Помѣщеніе нельзя было назвать роскошнымъ, но оно вполне удовлетворяло всѣ потребности учебнаго заведенія, и при томъ заведенія далеко не переполненнаго...

Но—не будемъ забѣгать впередъ.

Вернувшійся Яковъ сообщилъ мнѣ, что меня просятъ въ кабинетъ, въ дверяхъ котораго я увидалъ тяжелую аляповатую фигуру моего новаго начальства, съ его чиновничьими котлетами на щекахъ, большими рачьими на выкатѣ глазами и головою-тыквой.

Онъ принялъ меня, повидимому, радушно; только брови его ушли куда-то въ верхній этажъ, да на черзчуръ высокому лбу его залегла толстая складка; все время, пока онъ бесѣдовалъ со мною, эта складка не покидала его физиономіи... На ея появленіе я не обратилъ вниманія, а, между тѣмъ, оказывается, она предвѣщала мнѣ не одно хорошее.

— Ну-съ... пойдѣте къ женѣ чай пить,—началъ онъ: а то вы человекъ дорожный, небось проголодались.

— Благодарю васъ, Николай Ивановичъ. Цѣлыя сутки на пароходѣ только и зналъ, что пилъ чай.

— Ну, пойдѣте... пойдѣте... Познакомитесь съ моими...

И онъ двинулся къ двери, ведшей въ его квартиру, я—за нимъ. Прошли небольшую переднюю, вступили въ залъ. Это была очень большая комната, весьма приличная, свѣтлая, хотя и не особенно высокая; дальше виднѣлась гостиная, круглая комната съ дверью на балконъ, который выходилъ на базарную площадь. Что за фантазія была у строившаго этотъ домъ потомственнаго почетнаго гражданина вылѣзти на базарный балконъ и добровольно нюхать всѣ прелести базарной площади—право, не догадываюсь. Нужно сказать, что купчина имѣетъ большой мѣшокъ съ деньгами и страдалъ архитекторскою лихорадкой. Три громадныя дома имѣлъ онъ въ городѣ; не мало денегъ стоили они ему, и не думаю, чтобы затраченные имъ капиталы приносили хорошій процентъ; просто тѣшилъ свое купецкое величество.

Пройдя гостиную, мы вступили въ столовую. Позволю себѣ

сдѣлать легкій набросокъ того, что встрѣтилъ я въ этомъ „внутреннемъ аппартаментѣ“. Этотъ набросокъ вамъ кое-что поразскажетъ.

За громаднымъ круглымъ столомъ, покрытымъ клеенкою небезупречной чистоты, сидѣла вся семья. На столѣ въ поэтическомъ безпорядкѣ валялись ломти пшеничнаго вѣсового хлѣба, баранки, плюшки, калачи. Ведерный самоваръ кипѣлъ во всѣ развалы; попахивало дымкомъ, гарью, но почтенная семья очевидно къ этому привыкла и не обращала вниманія.

На главномъ мѣстѣ, предъ самоваромъ, воссѣдала сама мадамъ инспекторша—дама лѣтъ сорока трехъ-пяти, довольно солидныхъ размѣровъ, некрасивая, малообразованная, но неглупая и очень добродушная. На ней надѣта широченная блуза изъ свѣтлаго ситца, которую ея горничная, взятая изъ барскаго дома, называла не иначе, какъ „подрамантъ“, что замѣняло собою старинное слово „пудръ-мантель“. За столомъ присутствовали и дѣти: сынокъ—малый лѣтъ девятнадцати, вышедшій изъ пятого класса какого-то реального училища, ибо „убоялся бедны премудрости и возвратился вспять“; три дѣвочки, изъ коихъ старшей было лѣтъ 15, а пятый отпрыскъ, послѣдышъ Миша, недавно появившійся на свѣтъ, еще потягивался въ своей постелькѣ. Старшая дѣвочка, Лиза, была чѣмъ-то больна, а потому давно покончила съ ученьемъ и больше занималась съ матерью хозяйствомъ; двѣ младшія учились въ мѣстной прогимназій, и былъ ли въ нихъ какой толкъ—сказать не умѣю.

Несмотря на то, что было уже часовъ десять утра, вся инспекторская семья производила впечатлѣніе чего-то неряшливаго, безпорядочнаго: головы расчесаны кое-какъ, на скорую руку; умыванье производилось, повидимому, неособенно тщательно; костюмы давно требовали стирки...

Конечно, зашелъ обычный разговоръ о дорогѣ. Я разсказалъ все подробно, а за это время чай былъ поконченъ, и мы съ инспекторомъ ушли бесѣдовать въ кабинетъ.

Здѣсь мнѣ пришлось наткнуться на очень невеселую для меня новость: я ѣхалъ сюда на двѣ должности: помощника классныхъ наставниковъ и письмоводителя, что въ общемъ составляло 620 р. въ годъ и квартира—съ отопленіемъ и... хотѣлъ сказать съ освѣщеніемъ, но законъ про освѣщеніе ничего не говоритъ, а потому ограничимся законнымъ отопленіемъ.

По штатамъ гимназій и прогимназій 1871 года письмоводителю полагалось жалованья 400 р. безъ квартиры, а помощникамъ классныхъ наставниковъ въ гимназіяхъ 300 р., а въ прогимназіяхъ 220 р. и квартира. Какія соображенія блуждали въ головахъ господъ составителей устава, ей Богу не могу разгадать: работа одна и та же; требованія тѣ же... и вдругъ...

Да еще цифра-то какая—220 р.!

Ну, дай 200 р., какъ столоначальнику полицейскаго управленія, т. е. всемірно извѣстныя 16 р 33 к. въ мѣсяць; дай 240 р. для равнаго счета по 20 р. въ мѣсяць; дай 250 р.— Это все-таки четверть тысячи... Но—220 р.? Ей Богу, не понимаю.

Одно остается предположить, что въ томъ году, когда составлялись штаты, было 11 мѣсяцевъ...

И такъ, уѣзжая сюда, я ожидалъ несомнѣннаго улучшенія своего существованія. Но вотъ, послушайте нашъ первый разговоръ съ новымъ начальствомъ, и вы тогда поймете мое пиковое положеніе...

— Ну-съ, Сергѣй Григорьевичъ!... началъ инспекторъ, усаживаясь въ свое кресло предъ письменнымъ столомъ и приглашая меня занять другое.

— Позвольте вамъ предложить папиросу...

Я взялъ папиросу, закурилъ и приготовился слушать съ полнымъ вниманіемъ.

— Вы незнакомы съ канцелярскимъ дѣломъ. Я, конечно, буду вамъ помогать въ этомъ, поучу васъ, это совсѣмъ не настолько трудно, какъ кажется.

— Думаю, что особой мудрости тутъ нѣтъ, и я рассчитываю съ ней сладить, такъ какъ утромъ у меня будетъ одно дѣло, а вечера я буду отдавать канцеляріи...

— Да вѣдь и утромъ вамъ никто не помѣшаетъ работать... Вы свободны...

— ?!

Понятно, что я вытаращилъ глаза и ждалъ разъясненія этого ребуса.

Помощникомъ классныхъ наставниковъ я назначилъ моего сына Николая, который рѣшительно отказывается продолжать учиться и хочетъ поступить на службу...

Судите сами, какое эта неожиданная новость должна была произвести на меня впечатлѣніе...

Квартирка, хоть и небольшая, тутъ для васъ найдется; можете ее посмотреть, на верху—въ мезонинѣ...

Хоть это-то, подумалъ я, слава Богу!

Далѣе для меня разговоръ становился не интереснымъ. Въ моей головѣ коломъ торчалъ только одинъ вопросъ: что же теперь дѣлать? Одинъ исходъ—вернуться назадъ, благо я уѣхалъ никому ничего не сказавши, и мѣсто мое было еще не занято. Я смѣло могъ рассчитывать на многихъ мѣстныхъ дѣятелей, всегда относившихся ко мнѣ съ отличнымъ расположеніемъ.

Такъ и рѣшилъ: проживу два—три дня, присмотрюсь къ обстоятельствамъ и удеру на старое пепелище. Чего же мнѣ еще ждать? Не денного же грабежа.

Пришелъ къ себѣ въ номеръ и принялся писать женѣ письмо съ пріятнѣйшими вѣстями. И прежде всего подъ страхомъ смертной казни вмѣнялъ ей въ обязанность упорно отрицать всякіе слухи о моемъ переходѣ на службу, благо еще двѣ недѣли вакаціоннаго времени было въ моемъ распоряженіи.

Да-съ, положеніе мое мѣнялось и мѣнялось очень скверно: не говоря уже о жалованіи и квартирныхъ деньгахъ, я могъ (въ то время) только исполнять обязанности письмоводителя изъ платы по найму, а занять эту административную, а не учебную должность я не могъ по своему низкому происхожденію.

Скверно! Очень скверно!

Но кто жъ могъ провидѣть, что мнѣ судьба рѣшила встрѣтиться на узенькой дорожкѣ съ инспекторскимъ сынкомъ...

На другой день явился въ канцелярію и сталъ знакомиться съ дѣлами.

— Вотъ-съ прежде всего, началъ инспекторъ съ любезнѣйшей улыбкой (какъ будто никакой свиньи онъ мнѣ и не думалъ подкладывать), надо донести въ округъ о вашемъ опредѣленіи на должность.

Счастіе разлилось и на моемъ лицѣ, въ то время, какъ на сердцѣ скребли кошки.

Благодарю! Осчастливилъ! О болѣе высшемъ благѣ я не смѣлъ и мечтать!

Принялся я сочинять бумагу въ округъ.

„Теръ и лобъ, и переносицу,
Въ потолокъ косилъ глаза,
Несъ такую околесицу,
А о дѣлѣ ни аза!“

(Некрасовъ).

Наконецъ, одолѣлъ и подалъ ему на просмотръ. Одобрилъ и только вставилъ одно слово...

Я написалъ: Имѣю честь донести... а онъ прибавилъ „Имѣю честь *почтительнѣйше* донести...

Ну, почтительнѣйше, такъ почтительнѣйше, такъ тому и быть. Мнѣ какое дѣло.

А вѣдь это было въ концѣ семидесятыхъ годовъ! Разгаръ либерализма...

Наука не пропала для меня даромъ: съ тѣхъ поръ я постоянно писалъ „почтительнѣйше“, и выходило очень хорошо: всѣмъ было по вкусу...

Какъ видно, кашу масломъ, дѣйствительно, не испортишь...

Просидѣли мы съ нимъ часа два—три, а затѣмъ инспекторша прислала за нами кофе пить.

Это, конечно, было очень хорошо, и я почтительнѣйше потянулся за инспекторомъ.

Когда я опять поднялся на верхъ, то въ залѣ встрѣтилъ разгуливающаго господина, еще молодого человѣка, лѣтъ около 30-ти, бритаго, худого, блѣднаго, очевидно болѣзненнаго. Мы познакомились и начали болтать. Это былъ учитель приготовительнаго класса М. Странное впечатлѣніе произвела на меня эта фигура: потныя руки, синяки подъ глазами, впалая грудь, глухой голосъ и непрерывный кашель...

Отъ него пахло могилой, а мнѣ что-то стало веселѣй...

Такъ подло созданъ родъ людской: на могилѣ одного возрождается надежда у другого...

Онъ былъ холостякъ, жилъ съ сестрою, пожилой дѣвушкой. Вечеромъ онъ зашелъ ко мнѣ въ номеръ, и мы отправились знакомиться съ городомъ. Часовъ въ девять появились къ нему; самоваръ уже кипѣлъ на столѣ и стояла легонькая закусочка.

— Извините... водки не имѣю... вредно мнѣ...

— Пожалуйста, не надо. Одинъ я ее никогда не пью.

Безпокойные взгляды сестры, хоть и часто, но украдкой бросаемыя ею на брата, еще болѣе убѣдили меня, что тутъ дѣло обстоитъ очень не благополучно. Самый воздухъ комнаты говорилъ о томъ же: удушливый, напоенный разной лѣкарственной дрянью, и одно, гдѣ-то вдали, отворенное окно.

Жутко чувствовалъ я себя въ этой обстановкѣ и не зналъ, какъ отсюда выбраться.

Пробило половина одиннадцатаго, и я, подъ благовиднымъ предлогомъ дать покой усталому хозяину, отыде во свояси...

XXXIV.

Само собою разумѣется, что содержаніе моего письма къ женѣ нѣсколько измѣнилось. Утромъ на свою палитру я заготовилъ красокъ самыхъ мрачныхъ тоновъ, а теперь... теперь мрачность понемногу разсѣивалась только потому, что другому предстояла будущность болѣе мрачная, на мрачномъ-то фонѣ его жизни ярко вспыхнула свѣтлая точка моего будущаго.

Но объ этомъ потомъ. Теперь я познакомлю васъ съ учителями.

Если инспекторъ былъ не изъ особенно ученыхъ людей, то и учителя тоже не блистали образованіемъ: набраны были, что называется, съ бору да съ сосенки: математикъ, четыре года тому назадъ служившій со мной въ уѣздномъ училищѣ того города, откуда я только-что пріѣхалъ, былъ дѣйствительный студентъ Московскаго университета конца сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ; долгое время онъ былъ на частной службѣ, управлялъ фабрикой, за что получалъ очень большое жалованье; не разъ бывалъ за границей и потомъ вдругъ очутился уѣзднымъ учителемъ въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, получая 24 р. 50 к. въ мѣсяцъ жалованья. Что за катастрофа была въ его жизни, ляпнувшая этого господина съ извѣстной высоты да прямо въ лужу, я не старался узнать, а что-то было...

Частенько я этого почтеннаго, красиваго старика заставлялъ задумчивымъ... Онъ очень хорошо игралъ на скрипкѣ. Бывало, лѣтомъ изъ раствореннаго окна его квартиры несутся задушевные звуки скрипки... Заходишь къ нему и застаешь картину худой, высокій старикъ, вздернувшій на лобъ большія крупныя въ золотой оправѣ очки, въ поношеномъ халатѣ, подпоясанномъ полотенцемъ, въ туфляхъ на босыхъ ногахъ, тихо прохаживается по комнатѣ со скрипкой въ рукахъ, глаза его устремлены въ одну точку... Сейчасъ видимо, что онъ весь въ быломъ... весь въ воспоминаніяхъ... Ходили по городу рассказы о какомъ-то его романѣ за границей... Затѣмъ жизнь въ уѣздномъ городѣ... Нечаянная женитьба на какой-то мѣщаночкѣ, кухарочкѣ, горничной или что-то въ этомъ родѣ... Съ открытіемъ прогимназій нашлось мѣсто и ему, и вотъ онъ воскресъ, вздохнулъ свободно.

Любилъ играть въ картишки, но игралъ какъ ребенокъ. Главное дѣло—думать не любилъ. Были господа, которые очень

злоупотребляли его слабостью... Партнеры говорятъ ему: „Ну, будетъ, бросай! Вѣдь безъ одной... Это видно“...

И онъ бросаетъ...

Я былъ хоть и очень молодъ, когда познакомился съ нимъ еще въ К., но уѣздная жизнь сдѣлала меня такимъ проферансистомъ, что мною не брезговали лучшіе игроки. И вотъ я помню такой случай: на Духовъ день въ клубскомъ саду былъ назначенъ танцевальный вечеръ. Я пріѣхалъ очень поздно, прямо къ танцамъ и не расположенъ былъ воевать на зеленомъ полѣ.

Барышни, увидя меня въ залѣ, какъ насѣдки закудахтали: рѣдко я доставлялъ имъ это удовольствіе (извините за нескромность); „ухажоръ“ былъ, какъ выражаются у насъ во всеобщемъ клубѣ въ наше прогрессивное время...

Потанцуешь... погуляешь по саду... поухаживаешь... заглянешь во флигелекъ, гдѣ расположились карточная и буфетъ, присядешь около знакомыхъ партнеровъ и посмотришь на игру. Въ компаніи сидятъ: нотаріусъ, начальникъ станціи, одинъ помѣщикъ безъ помѣстья—все игроки, ухъ! какіе... и съ ними четвертый мой старый ребенокъ-товарищъ. Вижу, у старика игра большая, но закупился и приходится играть девять... А условія игры очень тяжелыя: курица бралась вся, вистъ отвѣтственный, кушъ полкопѣйки... При такихъ условіяхъ учительскую душу можно проиграть...

Сажу я и слышу нетерпѣливый голосъ начальника станціи:
— Ну, будетъ думать-то... вѣдь вотъ онѣ двѣ взятки-то...

Старикъ уже готовъ сдаться... Но проигрышъ серьезный, и онъ думаетъ...

Я заинтересовался игрой... внимательно всматриваюсь въ открытыя карты вистовщиковъ, соображаю и вижу, что игра, какъ будто бы, должна выиграться...

— И опять слышу:

— Да будетъ же... Вѣдь это, наконецъ, скучно становится... Ясно, что проиграна...

— Ну... это тоже какъ сказать... вставляю я словечко.

— Ну-ка, попробуй, выиграй, задорно отвѣчаетъ мнѣ желѣзно-дорожникъ.

— И выиграю.

— Пари на десять рублей.

— Да... что жъ... идетъ. Только я самъ потомъ буду разыгрывать... запомни карты, отвѣчаю я.

Вынимаемъ по десяткѣ и кладемъ подъ подсвѣчникъ. Старикъ мой ободрился... начинаетъ думать... думать... Вижу, беретъ за ту карту, съ которой слѣдуетъ идти... идетъ и игра выиграна.

Я приподнялъ подсвѣчникъ, захватилъ двѣ красныхъ; какъ благовоспитанный молодой человекъ, сдѣлалъ глубокой реверансъ моему пріятелю-желѣзнодорожнику и устроилъ приличный ужинъ съ двумя, хоть и замужними, но не совсѣмъ приличными дамами... Это были тѣ самыя дамы, которыхъ докторъ Разновицкій во время танцевъ за ноги ловилъ...

А вотъ учитель русскаго языка былъ фруктъ совсѣмъ иного рода. Я очень смутился, когда встрѣтился съ нимъ въ первый разъ, а особенно когда отъявился къ нему съ визитомъ.

По первому впечатлѣнію судя, его можно было скорѣй признать... ну, какъ-бы вамъ сказать?.. Ну... чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ... Прокуроръ окружнаго суда... уѣздный предводитель дворянства... или что-нибудь въ родѣ этого, но никакъ не учитель захолустной четырехклассной прогимназіи. Хорошаго роста, довольно плотный красивый брюнетъ, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ; одѣтъ всегда франтомъ: прекрасно сшитый форменный фракъ, бѣлье безупречной чистоты, всегда бѣлый или палевый галстухъ, пальто—последнее слово Парижа, шляпа—цилиндръ...

Ну, помилуйте, какой это учитель? Первый любовникъ императорскихъ театровъ, а не Лука Лукичъ Хлоповъ! Въ дурную погоду вмѣсто цилиндра носилъ фуражку изъ синяго сукна, съ кокардой, но опять таки съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ формы—околышъ былъ не бархатный, а суконный. Какъ будто онъ стыдился быть учителемъ, ибо предпочиталъ носить фуражку кучерскаго образца съ кокардой, только бы не учительскую. Зимой у него перваго появилась вошедшая тогда въ моду шинель на мѣху кенгуру съ барашковымъ воротникомъ и высокая шапка изъ сѣрой хивинки, какія носятъ малороссы. Онъ уроженецъ Малороссіи, учился въ Кіевскомъ университетѣ; сынъ сельскаго священника, но тщательно скрывалъ свое происхожденіе. На лѣтнія каникулы онъ надѣвалъ дворянскую фуражку съ краснымъ околышемъ и всегда говорилъ, что ѣдетъ въ имѣніе на отдыхъ. А ужъ какое тамъ имѣніе, просто къ отцу-священнику на погостъ. Отрекался онъ отъ своего отца, тогда какъ именно тотъ за свою полувѣковую службу получилъ Владиміра, чѣмъ и предоставилъ сынку право тѣшить себя дворянскою фуражкой.

Познанія его были не ахти какъ крѣпки, а настойчивый хохлацкій характеръ не разъ ставилъ его въ положеніе не особенно пріятное. Помню, на экзаменѣ въ женской прогимназіи онъ одной ученицѣ подчеркнулъ ошибку, тогда какъ слово „птичка“ было написано вѣрно. Начальница, просматривая провѣренныя преподавателемъ работы, замѣтила его промахъ и при первомъ свиданіи обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Павелъ Осиповичъ, да какая же тутъ ошибка?

— Тутъ... а... Позвольте... я сейчасъ пенсне надѣну... а... тутъ... мягкій знакъ пропущенъ...

— Позвольте... да развѣ послѣ ч нуженъ мягкій знакъ?

— Непремѣнно-съ... потому что въ славянскомъ языкѣ... и пошелъ, и пошелъ молоть, что Богъ на душу послалъ, тогда какъ ничего не было легче, какъ признать свой промахъ и инцидентъ былъ бы исчерпанъ. Съ новымъ инспекторомъ онъ не сошелся, такъ какъ тотъ никакихъ славянскихъ доказательствъ знать не хотѣлъ. Видитъ мой дворянинъ, что дѣло плохо и на пустомъ тутъ не выѣдешь, началъ хлопотать о переводѣ и вскорѣ былъ перемѣщенъ въ губернскій городъ.

А остроумный былъ малый: анекдоты рассказывалъ прекрасно, большой хлѣбосоль и любилъ жить на широкую ногу. Хотя семейство его состояло всего только изъ одной жены, но квартиру снималъ большую, и обстановка была вполнѣ приличная: пушистые ковры, мягкіе диваны, драпри самага заковыристаго фасона и т. п. Любилъ горячую баню; парился до умопомраченія; голову мылъ не иначе какъ съ яичнымъ желткомъ. Вообще „соблюдалъ себя“. Передъ отпускомъ на Пасху, или на Рождество, обязательно заболѣвалъ дня за два до отпуска, а вечеромъ въ день отпуска выздоравливалъ, и являлся въ клубъ сражаться на зеленомъ полѣ. Отъ нечего дѣлать составилъ русскую грамматику, раздѣливъ ее на двѣ части. Новаго онъ въ своихъ произведеніяхъ ничего не ввелъ и появленіе на книжномъ рынкѣ его труда сенсаціи не произвело. Но тамъ было кое-что и замѣчательное, а именно—приложенные къ обѣимъ частямъ сборники диктантовъ. Онъ набралъ тамъ такихъ фразъ, отъ которыхъ мы помирали со смѣху.

Комическая жилка была вообще ему присуща, какъ малоросу, и играла въ немъ неустанно. Однажды, участвуя въ качествѣ чтеца въ литературно-музыкальномъ вечерѣ, я прочиталъ на bis нѣсколько фразъ изъ его сборника, диктантовъ и успѣхъ былъ необычайный.

Вотъ и всѣ педагоги, имѣвшіе полномочные патенты на

преподаваніе, а дальше шли все и. д., (или какъ ихъ называли на общепонятномъ языкѣ „идолами“): славянинъ-классикъ слушалъ лекціи въ (кажется) Вѣнскомъ университетѣ, а остальные были набраны съ бору да съ сосенки. Учитель нѣмецкаго языка все-таки окончилъ гимназію и былъ нѣмецъ природный, превосходный человѣкъ: умный, нѣмецки-честный, начитанный; по познаніямъ онъ куда выше стоялъ нашихъ университетовъ, но... но... на грѣхъ связался тамъ съ теплой компаніей, много пилъ и до такой степени въ концѣ концовъ распаталъ свое здоровье, что не только по лѣстницѣ могъ подыматься только держась за перила, но и не выносилъ никакой гримасы, никакого движенія носа, губъ, глазъ, рукъ, какъ тотчасъ же выдѣлывалъ то же самое. Старикъ-исправникъ, бывшій шалунъ-гусаръ, обратившійся въ дѣтство, очень тѣшился этимъ: начнетъ тереть пальцемъ по носу, и нѣмецъ третъ; исправникъ барабанить по столу, и нѣмецъ барабанить; исправникъ чешетъ въ затылкѣ, и нѣмецъ лѣзетъ туда же; исправникъ что-нибудь замурлычить и начнетъ притопывать въ тактъ ножкой, и нѣмецъ за нимъ; исправникъ храпнетъ носомъ, и нѣмецъ тоже. И при этомъ очень мирно бесѣдуютъ. Смотришь, смотришь на эту комедію, сознаешь, что бѣдный нѣмецъ страдаетъ, а между тѣмъ нѣтъ возможности удержаться отъ смѣха, захохочешь, и только тутъ опомнится нѣмецъ и начнетъ усовѣщевать сѣденькаго шалуна.

Оба они теперь давно въ могилахъ. Миръ праху ихъ!

Французъ былъ „ашлике“, тоже изъ братьевъ-славянъ и скорѣй всего торговалъ въ Москвѣ мышеловками, терками и т. п. издѣліями.

Законоучитель, студентъ семинаріи, старый заслуженный соборный священникъ, о которомъ будетъ рѣчь впереди.

Вотъ и весь преподавательскій персоналъ, который, подъ руководствомъ почетнаго попечителя, стеръ съ лица земли прежняго инспектора.

Съ отъѣздомъ этого инспектора уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и его племянникъ, ворочившій всѣми дѣлами. Племянникъ этотъ имѣлъ всего только званіе уѣзднаго учителя по исторіи и географіи, и ему было разрѣшено округомъ преподавать эти предметы и въ мужской прогимназіи, и въ женской, да къ тому же онъ занималъ должности помощника классныхъ наставниковъ и письмоводителя.

Какъ его только хватало на это, надо удивляться.

Удивляйся тамъ сколько хочешь, а онъ зарабатывалъ до 2500 р. въ годъ, и слава Богу!

На его мѣсто прислали историка изъ Петербургскаго университета и опять дѣйствительнаго студента, и это былъ послѣдній дѣйствительный студентъ даже въ такой глуши, какъ В.

XXXV.

Когда я ознакомился съ протоколами педагогическаго совѣта за предыдущіе годы, такъ я не зналъ, что и подумать. Это какое-то засѣданіе городской думы, земскаго собранія, нѣмецкаго рейхстага, французской палаты депутатовъ, буйнаго австрійскаго парламента, гдѣ не стѣснялись депутаты даже вступать въ рукопашный бой, а ужъ никакъ не педагогическаго совѣта.

Предсѣдатель заявилъ о томъ-то...

Членъ совѣта такой-то удачно оппонируетъ.

Другой дополняетъ его...

Третій всѣмъ возраженіямъ дѣлаетъ окончательную сводку и празднуетъ побѣду надъ партіей глубокаго молчанія...

И все это дословно заносится въ протоколъ, а о дѣлѣ ни аза...

Хорошо! Ну, чѣмъ не Европа?

Засѣданія тянулись съ 7 до 12 часовъ, до часу ночи.

Сколько керосину одного выгорало...

Четыре года протрадалъ въ этомъ застѣнкѣ старикъ-инспекторъ, и наконецъ-то „тыква“ извела изъ темницы душу его...

Про доброе сердце уѣхавшаго инспектора ходило по городу много разсказовъ подъ часъ характера чисто анекдотическаго, но разказы безусловно фактически вѣрные. Напримѣръ:

Раннее лѣтнее утро. Водовозъ привезъ воду. Съ кухоннаго крыльца сходитъ въ халатѣ толстенькій, маленькій инспекторъ; остатки его косицъ на головѣ еще не приведены въ обычный порядокъ, т. е. не зачесаны и не приглажены щеточкой отъ ушей къ темени. Старикъ направляется къ водовозу, и начинается мирная бесѣда у Аѳанасія Ивановича съ Пульхеріей Ивановной.

— Ну, какъ поживаешь, Филиппычъ?

— Да ничего... Славу Богу... Живемъ пока...

— Ну, вотъ и славу Богу. Дѣтки-то есть что ли?

— Какъ же, родимый, есть. Старшему-то, поди, годовъ 35 будетъ...

— Женатъ?

— Вѣстимо женатъ... Нешто намъ безъ жены возможно...

— И дѣтки есть?

— Да малому пошелъ ужъ никакъ 14-й годокъ.

— Что жъ ты его не учишь?

— Учился, да бросилъ: все прошелъ.

— Ну, далеко еще не все... Отдавай къ намъ, человѣкомъ будетъ.

— И... и... и.., родимый! На васъ-то капиталу не хватить. За учебу-то сколько берете?

— 40 р. въ годъ.

— Ну, во!.. Гдѣ жъ ихъ взять-то. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Ничего, Богъ милостивъ, отдавай.. Мы заплатимъ.

— Ну... что жъ, раздумчиво произносить водовозъ, почесывая подъ огрызкомъ соломенной шляпы...

— Это спасибо... Да, нѣтъ, сомнѣвается Филиппычъ. Не подойдетъ намъ. Овромя этого денегъ надо много... и одежда...

— Да мы сошьемъ...

— И обувь другая...

— Купимъ...

— А тамъ книжки, тетрадки, ранецъ... Разворенье!

— Все дадимъ, не безпокойся...

И малый въ гимназiи. Если года мѣшали поступить по уставу, то для старичка въ этомъ случаѣ устава не существовало.

И съ кузнецомъ, и съ портнымъ, и съ сапожникомъ поговорить также старый добрякъ, и, глядя, „кухаркины дѣти“ всѣ въ гимназiи. Да такъ и наколотилъ учениковъ до 160 — 180 человѣкъ.

Городъ и вообще общество должно было бы радоваться, а, между тѣмъ, главари его завели дразги и въ эти дразги и вмѣшали совѣтъ. Доходили ихъ препирательства нерѣдко и до попечителя округа, результатомъ чего и былъ обмѣнъ начальства. Одинъ черезчуръ разгонялъ учениковъ; другой черезчуръ собиралъ ихъ... Вотъ въ наказанiе и послалъ имъ Господь Тыкву...

Любопытны стали для меня засѣданiя совѣта.

Только-что говорунъ начнетъ развивать мою мысль, какъ изъ-за облакъ слышится гласъ:

— Не будемъ отвлекаться въ сторону. Вопросъ очень простъ и въ дебри съ нимъ заходить нѣтъ надобности.

— Но интересно было бы выслушать мнѣнiе г. П., говорить почетный попечитель.

— Уставъ говорить: почетный попечитель занимаетъ первое мѣсто въ совѣтѣ, но не предсѣдательствуетъ. А другою статью предсѣдательство поручается начальнику заведенія, который и руководитъ преніями въ совѣтѣ.

— Да вѣдь преній-то никакихъ не было...

— Да ихъ тутъ и не нужно. Пренія только бы затемнили вопросъ... вопросъ крайне несложный... всѣмъ намъ вполне понятный...

Вотъ ты тутъ съ нимъ и разговаривай.

— Я не могу допустить обсужденіе вопроса въ такой формѣ и баста!

Молчаніе. Переглядываются и молчатъ

Такъ провелъ онъ засѣданія три-четыре; скучно стало; почетный попечитель и ходить въ совѣтъ пересталъ...

Да и въ самомъ дѣлѣ, за чѣмъ же ходить, когда въ назиданіе потомства ни одного слова представителя общества не останется въ анналахъ совѣта!...

Протоколы стали коротенькіе: жилъ, былъ да и умеръ. И только.

Но такіе совѣты, какъ четвертные, или обсужденіе темъ для письменныхъ работъ, или о допущеніи къ экзаменамъ были очень продолжительны.

— Посылать почетному попечителю повѣстку о засѣданіи совѣта? спрашиваю я.

— А какъ же-съ?... Это наше-съ дѣло... наша обязанность...

— Да вѣдь онъ не ходитъ...

— А это ужъ его дѣло-съ...

. . . . .

Скверная ранняя осень совсѣмъ свернула бѣднягу-учителя пригготовительнаго класса; дышать нечѣмъ... сталъ тяжело себя чувствовать... силы его совершенно оставили, голосъ пропалъ и онъ вплотную слегъ въ постель.

Я попросилъ инспектора войти съ ходатайствомъ на время болѣзни учителя допустить меня къ исправленію его должности. Онъ исполнилъ мою просьбу, представилъ меня, и округъ разрѣшилъ.

Стой! у меня явилась надежда... На омраченномъ было небосклонѣ моей новой службы вновь яркій лучъ солнца прорывалъ скопившіяся тучи.

Много пришлось работать, очень много; но я былъ молодъ, силенъ и труда не боялся. Придешь въ канцелярію въ 8 часовъ. Въ девять идешь на урокъ и до 11; затѣмъ опять въ

канцелярію и до 2^{1/2} ч. Только пообѣдаешь, глядь: за тобой уже пріѣхала лошадь, и отправляешься на частный урокъ. Вернешься въ шесть, попьешь чайку и въ канцелярію. Поработаешь до девяти, глядь, является инспекторъ. Онъ плотно пообѣдалъ; основательно выпилъ; легъ отдохнуть часика на три; всталъ, попилъ чайку и явился служить царю и отечеству. И могъ онъ такимъ образомъ дѣйствовать до часу, до двухъ ночи, а у тебя ужъ давно силы поистожились...

Часикамъ къ одиннадцати инспекторъ спустится къ себѣ, черезъ десять минутъ вернется и перышкомъ въ зубахъ ковыряетъ. Чистоту наблюдалъ. Одолѣвало меня любопытство разузнать, что сей сонъ обозначаетъ, да нѣтъ, никакъ не могъ.

Только разъ какъ-то, скучно что ли ему стало одному, или сжалился онъ надо мною, только слышу часовъ въ одиннадцать:

— А вы водку пьете?

— Иногда...

— Такъ пойдемте...

— Съ удовольствіемъ!...

Наконецъ-то дошли до дома!

Спускаемся къ нему въ кабинетъ; отворяется дверка шкафа, вдѣланнаго въ стѣну; вынимается оттуда четверть съ поповской водкой (большому кораблю — большое и плаванье); въ водкѣ виднѣются давно поблѣднѣвшія и потерявшія вкусъ лимонныя корки; берется съ полочки рюмка... Ну, какъ вамъ опредѣлить ея размѣры?... Конечно, трехдневнаго ребенка въ ней окрестить нельзя, но такового возраста котенка окунуть можно свободно...

Закуска разнообразіемъ не отличалась: она была всегда сезонная: кусочекъ рѣдички, кусочекъ огурчика свѣжаго, или малосольнаго, или соленаго, иногда покрывшагося плѣсенью; кусочки (преимущественно корочки) чернаго хлѣба, густо посыпаннаго солью; иногда появлялась колбаса и непременно копченая, чтобы не протухла; если были у него наканунѣ гости, то предъ моимъ взоромъ красовались остатки селедки съ головой и хвостомъ (но никогда такъ не бывало, чтобы одинъ хвостъ да голова, хотя онъ ее тщательно обсасывалъ, приговаривая: „сельдиная головка съ мозжечкомъ“), которыя онъ тихонько тащилъ къ себѣ въ шкафъ, въ прокъ, какъ говорилъ онъ. Ни тарелокъ, ни ножей, ни вилокъ и никакихъ ѣтакихъ белендрясъ у него не полагалось: можете прямо пальцами, а руки онъ всегда обтиралъ гдѣ-то подъ сюртукомъ...

Наше дѣло, конечно, маленькое, и мнѣ оставалось только слѣдовать примѣру начальства. Я ужъ потомъ поумнѣлъ-то: сталъ являться въ канцелярію въ старомъ платьѣ.

А то, думаю, такъ-то весь сеledкой пропахнешь.

Чего добраго, собаки на улицѣ начнутъ принюхиваться...

Выпьемъ по двѣ, по три штучки и опять наверхъ заниматься. Такъ тянулось мѣсяца два. Вижу, дѣло плохо: при такихъ условіяхъ не надолго меня хватить: на такую работу лошадь нужна, а не человѣкъ.

Разъ какъ-то я особенно усталъ и меня за работой ужъ начало размаривать, ко сну позывать; а когда онъ увелъ меня къ себѣ водочки выпить, да по двѣ-то мы дернули, онъ и спрашиваетъ:

— Ужъ намъ еще по одной не пропустить ли?

— Не мѣшаетъ, отвѣчаю я.

Налилъ; выпили; грыземъ рѣдъку.

— А хорошо бы, Николай Ивановичъ, говорю я, еще бы по одной? А то какъ будто бы ни то, ни се.

— Можно.

Выпили.

— Ну, теперь пойдете кончать, говорить онъ...

— И... и... кончать! Надъ нами не каплетъ! И завтра кончимъ... „Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжить“... Вдругъ заговорила рыбка человѣческимъ голосомъ.

— И то правда. Покойной ночи! соглашается онъ.

Вотъ только этимъ и отдѣлывался отъ него; а то онъ радъ сидѣть въ канцеляріи всю ночь, была бы водка, да человѣкъ. съ кѣмъ можно болты болтать, а ужъ въ зубахъ-то онъ самъ ковырять будетъ.

Скрутилъ онъ не одного меня; всѣмъ тяжеленько дышалось. Класснымъ наставникамъ вмѣнилъ въ обязанность, на примѣръ, посѣщать не только учениковъ, живущихъ на частныхъ квартирахъ, но и не проходить мимо учениковъ, жившихъ у родителей, если, конечно, въ этомъ имѣлась надобность. Да не такъ посѣщать, какъ гоголевскія крысы... „пришелъ, понюхалъ и пошелъ прочь“, нѣтъ, ты посмотри, чѣмъ занять ученикъ, помоги ему въ чемъ нужно. Это, милый, не прогулка тебѣ для моціона, полировка крови, а службы, обязанность; ты за это 13 р. 06 коп. въ мѣсяцъ получаешь. Не шути!...

А общую ученическую квартиру, содержимую земствомъ, каждый классный наставникъ посѣщалъ раза по два въ недѣлю.

Объ этой квартирѣ у меня въ памяти сохранился любопытный случай, которому я готовъ посвятить особую главу подъ названіемъ

XXXVI.

Война алой и бѣлой розы.

Этотъ эпизодикъ мнѣ захотѣлось особенно выдѣлить, такъ какъ онъ затрагиваетъ весьма интересный вопросъ.

Я, кажется, уже говорилъ, что прогимназія содержалась на совмѣстныхъ средства казны, города и земства. Само собою разумѣется, что счастье пользоваться этимъ учебнымъ заведеніемъ выпало болѣе на долю горожанъ, а не жителей уѣзда.

Земство это очень скоро сообразило и рѣшило придти на помощь главному плательщику земскихъ сборовъ—мужичку. Оно отпустило еще тысячу рублей на содержаніе общей ученической квартиры для дѣтей крестьянъ и обѣднѣвшихъ дворянъ, обучавшихся въ прогимназіи и частью въ уѣздномъ училищѣ.

Мѣра справедливая, разумная, симпатичная, либеральная и все, что будетъ вамъ угодно.

Завѣдываніе хозяйственною частью квартиры было возложено на одного изъ членовъ земской управы. Надо сказать, что этотъ членъ былъ изъ мѣстныхъ купцовъ. Избраніе его стало поперекъ горла нѣкоторымъ земцамъ, которые сами щерили зубы на сладкій кусокъ земскаго пирога. Понятно, что дѣятельность этого члена очутилась подъ усиленнымъ надзоромъ земской партіи ощеренныхъ зубовъ; а ужъ тамъ, гдѣ дѣло касается собственныхъ проторей и убытковъ, тамъ интересы общественные какъ-то сами собой отодвигаются на почтительное разстояніе.

Мужиковать былъ этотъ членъ, грубъ, мало образованъ, но дѣйствовалъ онъ, нельзя не признать, разумно. Съ нѣкоторымъ пересоломъ, по-старинному, какъ его самого воспитывали, но вдумчиво относился къ общественнымъ деньгамъ, зря на вѣтеръ ихъ не бросалъ.

Онъ обиралъ изъ всѣхъ сельскихъ училищъ выдающихся учениковъ и доставлялъ въ гимназію на экзаменъ. Большинство изъ нихъ были украшеніемъ гимназіи во всѣхъ отношеніяхъ.

Какъ же онъ дѣйствовалъ?

Энергично, что и говорить! Но такая энергія, неодобряемая нашими законами, довела его до положенія крайне непріятнаго.

Учебное заведеніе очень было довольно земскими питомцами. Учились они въ большинствѣ очень хорошо, вели себя безукоризненно какъ дома, такъ и въ школѣ. Обязательное еженедѣльное посѣщеніе квартиры педагогическимъ персоналомъ всегда и все заставляло въ порядкѣ; никакихъ нареканій не было, недовольства квартирой никто не выражалъ.

Такъ тянулось дѣло годъ, два...

На третій годъ (передъ новыми выборами) стали циркулировать по городу слухи, что завѣдующій ученической квартирой членъ земской управы истязуетъ учениковъ.

По субботамъ онъ устраиваетъ имъ генеральную ревизію: просматриваетъ полученныя учениками за недѣлю отмѣтки, просматриваетъ записи въ кондуктѣ и воздастъ коемуждо по дѣламъ его—по слову священнаго писанія „сіи идутъ въ царство небесное, а сіи во огнь вѣчный, уготованный діаволомъ и аггелами его“.

По субботамъ же топилась имѣвшаяся при квартирѣ и баня—все для учениковъ. Въ этой банѣ происходили такія сценки: къ моющимся въ ней дѣткамъ входитъ купецъ-земецъ и начинаетъ родительское внушеніе:

„Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ при томъ благословляй“.

Все было готово къ услугамъ земскаго дѣтеля: и дѣтки въ райскомъ костюмѣ Адама до грѣхопаденія, и распаренныя лозы—вѣнниковъ, и сторожъ на все готовый по первому мановенію руки названнаго родителя...

Все бы это ничего, но вотъ бѣда: членъ управы обладалъ очень большимъ носомъ, который постоянно требовалъ нюхательнаго табаку. Наслаждался членъ и экзекуціей, и въ то же время неустанно нюхалъ табакъ.

Сыпался ли этотъ табакъ на подвергающагося наказанію ученика, я не знаю, но оцереженные на земскій пирогъ зубы усмотрѣли въ этомъ истязаніе; во-время произвели врачебный осмотръ, составили протоколъ, препроводили его на благоусмотрѣніе прокурорскаго надзора и

„Подвели и уpekли“.

Возбуждается дѣло. Судъ. Наемникъ-аблакатъ распинался на всѣ корки; не столько оправдывалъ подсудимаго, сколько занимался бросаніемъ камней въ огородъ противниковъ.

Чѣмъ кончилось дѣло, я не помню. Кажется, пустяками. Но цѣль достигнута,—мѣсто около пирога освободилось...

— Пожалуйте, садитесь!

Перейдемъ теперь къ его преемнику.

На мѣсто дикаго изувѣра-купца былъ выбранъ наблюдателемъ, или хозяиномъ квартиры, интеллигентный, образованный помѣщикъ. Я былъ съ нимъ хорошо знакомъ, такъ какъ оба сына его у меня учились.

На упомянутой ученической земской квартирѣ жилъ сынъ крестьянина Е. Онъ перешелъ въ IV классъ и на будущій годъ долженъ былъ окончить курсъ. Учился онъ превосходно, на круглыхъ, вполнѣ заслуженныхъ пяткахъ всѣ три года и при томъ по всѣмъ предметамъ. Когда въ маѣ мѣсяцѣ онъ перешелъ въ IV классъ, я какъ-то и спрашиваю его:

— Нѣтъ ли у тебя брата?

— Есть,—отвѣчаетъ Е.

— А сколько ему лѣтъ?

— 11.

— Учится?

— Кончаетъ сельскую школу.

— И хорошо учится?

— Очень хорошо.

Жилось намъ въ то время порядочно; дѣтей было только одна дочка и то маленькая. И пришла мнѣ въ голову блажная мысль: взять младшаго брата Е., Кузьму, къ себѣ жить, и будетъ онъ учиться у меня въ приготовительномъ классѣ. Вѣдь не объѣсть онъ меня и не стѣснить, такъ какъ квартира была довольно помѣстительная. А на будущій годъ я его устрою на земскую квартиру на мѣсто брата. Можетъ, изъ него и толкъ выйдетъ?

Переговорилъ объ этомъ съ земцемъ-помѣщикомъ, и онъ далъ мнѣ слово взять на квартиру младшаго брата, когда окончить курсъ старшій.

Вотъ и отлично; значить, все шло по-хорошему.

Иду домой и передаю женѣ мою геніальную мысль.

Хоть она мнѣ и ничего на это не отвѣтила, но я замѣтилъ, что ей это было не особенно пріятно. Но дѣло устроилось такъ, какъ я предполагалъ: мальчикъ прекрасно выдержалъ экзаменъ въ приготовительный классъ и поселился жить у меня.

Преспособный оказался мальчишка! Шелъ изъ первыхъ первымъ. Внизу моей квартиры была кухня, а рядомъ съ ней двѣ комнаты: одна служила столовой, а другую я отдалъ Кузьмѣ.

Маленькая дочка моя и гуляла съ нимъ, и играла, и въ саду, и на дворѣ, и дома. Разъ какъ-то жена и говоритъ мнѣ, что то у Сони стали пропадать игрушки, то у нея стали исчезать деньги. Подозрѣнія невольно падали на Кузьму. Кромѣ него некому было. Жена мнѣ говоритъ объ этомъ, а я, грѣшный человекъ, подумалъ въ то время, что это „придворная интрига“, наговоръ, такъ какъ попалъ къ намъ Кузьма противъ ея желанія.

Главное дѣло, что мнѣ вѣрить-то этому не хотѣлось: ужъ очень хорошій былъ ученикъ мой Кузьма!

Заслушаешься, бывало, когда онъ начинаетъ отвѣчать въ классѣ: плавно, увѣренно, послѣдовательно!

А дома уроками онъ почти и не занимался, развѣ исполнить какую-нибудь данную письменную работу.

Прошелъ годъ. Экзамены Кузьма сдалъ великолѣпно и переведенъ въ первый классъ съ наградой первой степени, а старшій братъ окончилъ курсъ такимъ же молодцомъ.

Я иду къ земцу-помѣщику и напоминаю ему его обѣщаніе. Онъ далъ слово, и Кузьма съ августа долженъ переселиться на земскую квартиру.

Прошло лѣто; въ августѣ привезли Кузьму и прямо на новое пепелище.

Въ октябрѣ, или ноябрѣ земецъ-помѣщикъ, какъ-то встрѣтятся со мной, говоритъ мнѣ:

— А что, Сергѣй Григорьевичъ, никакихъ художествъ вы не замѣчали за Кузьмой Е., когда онъ жилъ у васъ?

— Нѣтъ... никакихъ... А что?—насторожился я.

— Да жалобы на него—на руку нечистъ. Какъ поступилъ онъ на квартиру, стало многое пропадать, даже изъ запертыхъ сундуковъ.

Я хоть и вспомнилъ тутъ, что говорила мнѣ жена о Кузьмѣ, и все-таки отвѣтилъ, что у меня съ нимъ такихъ казусовъ не случалось.

Земецъ недоумѣнно пожалъ плечами, и на томъ разговоръ нашъ оборвался.

А я рѣшилъ поговорить съ Кузьмою откровенно, что называется по душамъ, оцупать его со всѣхъ сторонъ... Если возможно предупредить его.

На другой, на третій день, во время перемѣны я улучилъ удобную минуту, обнялъ Кузьму одною рукою за плечо, прижалъ его къ себѣ и сталъ ходить съ нимъ по залу взадъ и впередъ. Издали завелъ съ нимъ разговоръ, что вотъ, дескать,

я слышалъ, что на земской квартирѣ стали пропадать разныя вещи; что среди нихъ появился мальчикъ, который на руку нечистъ; читалъ ему, насколько это нехорошо, какъ это и стыдно, и опасно, какъ скверно можетъ кончиться для этого несчастнаго мальчика эта гадкая исторія.

Вижу, мальчикъ покраснѣлъ, опустилъ глазки долу. Вижу, у моего Кузьмы выступили на глазахъ слезы... Мальчикъ божится, что онъ въ этомъ не виноватъ...

Вотъ и рѣшай тутъ вопросъ: воръ передъ тобой, или не воръ?

Покраснѣть и заплакать можно и отъ боязни наказанія, но можно и отъ неосновательнаго подозрѣнія.

Я, по крайней мѣрѣ, не рѣшился бы сказать: да, виновенъ онъ! Но я не находилъ въ себѣ убѣжденія сказать и: „нѣтъ, не виновенъ“.

Наблюдая за нимъ во время нашего разговора, я чувствовалъ, какая трагедія разыгрывалась въ его дѣтской душѣ!

А на квартирѣ ужъ заботливо строили для него капканъ; за нимъ наблюдали десятки глазъ...

И поймали таки на мѣстѣ преступленія!..

Съ поличнымъ...

Собирайся, Кузьма, опять въ деревню. Будешь деревенскимъ кулакомъ, міроѣдомъ; можетъ быть по своему уму и образованію попадешь въ волостные писаря.

Будешь сосать кровь своей братіи!

Тебѣ не мудрено—ты знаешь, у кого что есть!

Ты знаешь всю деревенскую подноготную...

Ты маху не дашь...

Охулки на руку не положишь...

Грабь!..

Какъ бы поступилъ въ этомъ случаѣ истязатель-купецъ, я не знаю. Отъ выводовъ воздерживаюсь. Предоставляю охотно это сдѣлать кому и какъ угодно. Я свое дѣло сдѣлалъ: рассказалъ факты и становлюсь въ сторонку...

Жаль только мнѣ тебя, Кузьма! Можетъ быть, изъ тебя вышелъ бы замѣчательный человѣкъ, если бы не „грѣхъ юности твоя и невѣрѣнія твоего“.

Гдѣ ты, Кузьма? Что съ тобой? Откликнись... Тебя зоветъ твой старый учитель, стоя на краю могилы...

Я хотѣлъ на этомъ мѣстѣ поставить точку...

Но воспоминанія о тебѣ, Кузьма, навели меня на размышленія... Тяжелыя размышленія!..

За эти размышленія, я знаю, мнѣ достанется...

Ну, что жъ... пусть достанется...

Я все-таки отдамъ ихъ на судъ общественный...

Можетъ быть, они заставятъ кого-нибудь и подумать...

Тебя, Кузьма, такъ легко было вышибить изъ колеи интеллигентному земцу; съ легкимъ сердцемъ онъ выбросилъ ребенка на улицу... съ клеймомъ вора и, можетъ быть, на всю жизнь...

Пальца онъ своего не протянулъ, чтобы спасти человѣка...

Но, за то, все обошлось по-хорошему: тихо, смиренно, благородно и вполнѣ законно.

Порокъ наказанъ... Добродѣтель торжествуетъ... Да чего же вамъ еще надо?

Неужели порки? Истязаній? нюхательнаго табачку?

А святая гуманность?!

Ну... я не знаю...

Неужели это называется гуманностью?

Гуманность—если съ улыбкою на устахъ, деликатнѣйшимъ образомъ объяснять: „согласитесь, господинъ Ер. (О! непременно—господинъ!), что человѣка, занимающагося такими предосудительными дѣлами, какъ присвоеніе чужой собственности, мы не можемъ держать на общей квартирѣ! Это пагубный примѣръ для другихъ! Это зло (вы сами понимаете) не можетъ быть терпимо!.. Мы вамъ дурного не желаемъ... Мы видимъ въ васъ человѣка, заблудшагося, это правда, но... человѣка! Отправляйтесь въ свое Неѣлово-Горѣлово, и Богъ съ вами! Впередъ будьте умнѣе!

Воруйте, сколько хотите, но не попадайтесь.

Вотъ вамъ правило, которое приведетъ васъ и къ богатству, и къ почестямъ, и къ славѣ, и къ почетному гражданству...

А попадетесь...

Ну, тогда пеняйте на себя!..

Впрочемъ, валяй, Кузьма! Не бойся! Все это одни страшныя слова! Помни одно: „были бъ денежки въ карманѣ, остальное пустяки“!

Съ денежками, братъ, адвокатъ вызволитъ изъ неволи, лобъ расшибетъ, а ужъ выведетъ тебя на широкую дорогу... Что тамъ разговаривать! Богъ... совѣсть... все это пустая пустыхъ! До Бога высоко, до Сибири далеко!..

Жарь, не стѣсняйся!

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).